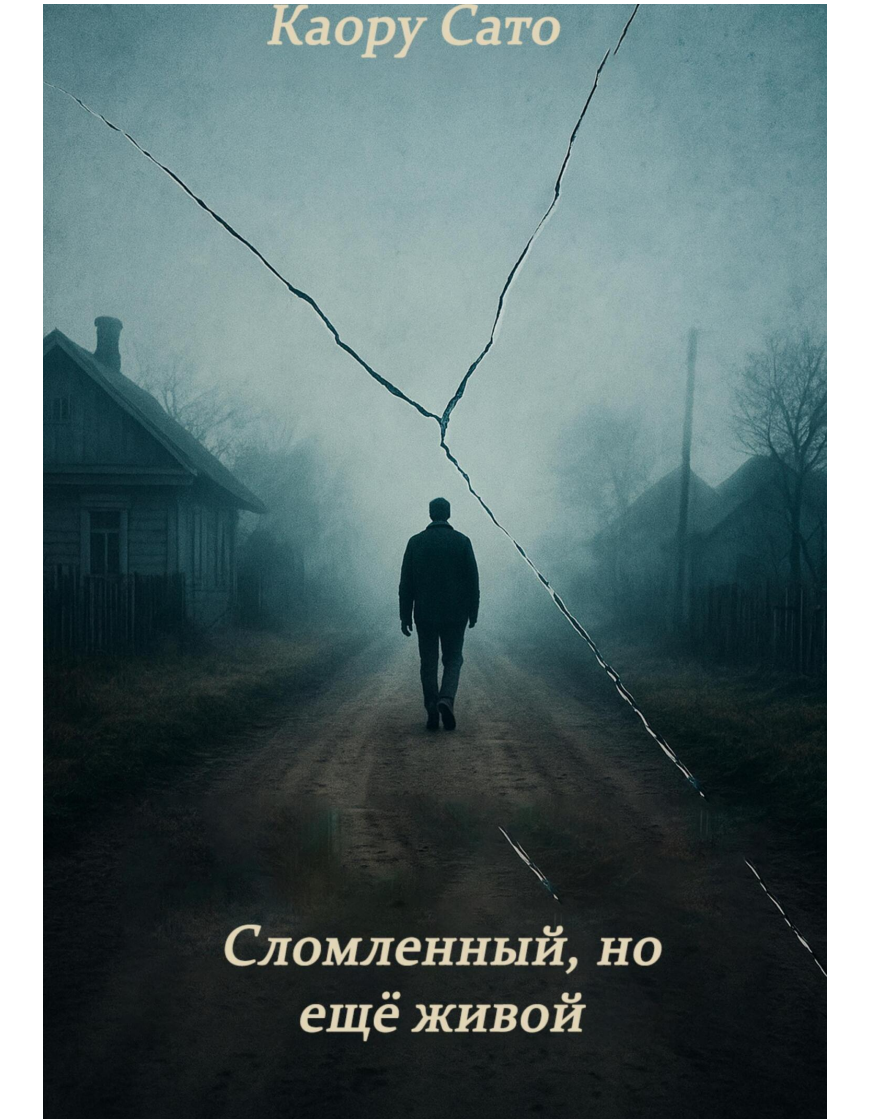

A man in a dark coat is walking away from the viewer down a dirt road. The road is flanked by wooden houses and is shrouded in a thick, pale fog. The sky is a dark, teal color, and a large, jagged crack runs from the top left to the bottom right, splitting the sky. The overall mood is somber and mysterious.

Каору Сато

*Сломленный, но
ещё живой*

Каору Сато

Сломленный, но всё ещё живой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72109273

SelfPub; 2025

Аннотация

«Сломленный, но всё ещё живой» – откровенная история о человеке, прошедшем через боль, одиночество и утраты. И проходящим это до сих пор.

Это путь из деревенского детства в холод взрослой жизни, где за масками безразличия прячутся стихи, воспоминания и надежда.

Перед вами отчасти автобиографическая книга, рассказанная честным голосом того, кто не сдаётся, несмотря ни на что. Проза переплетается с поэзией, прошлое с настоящим, а тишина – с внутренним криком.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. До того, как всё стало тяжёлым	8
Глава 2. Город без имени	11
Глава 3. Где заканчивается детство	14
Глава 4. Окна, в которых я не отражался	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Каору Сато

Сломленный, но всё ещё живой

Пролог

Когда-то верил – и ждал чудес,

Когда-то был светлее небес,

Но годы – горькие, как полынь —

Сломали душу, оставив пыль.

Мечтал писать – а остались строки,

Как рубцы от жизни, на коже тонкой.

И сердце – в маске, и взгляд – пустой,

Но всё ещё...

Я жив.

Живой.

Я падал в тени, я кричал в тишине,

Я верил тем, кто не верил мне.

Смотрел в глаза, полные лжи,

И шёл один, не прося «поддержки».

Я научился молчать и плыть по течению

В водах, где боль не умеет жить.

И пусть внутри – обломки и мрак,

Я – есть.

Я дышу.

Я не сделаю шаг назад.

Может, и ты, читатель, сейчас

Ведёшь с собой этот же бой

Без посторонних глаз.

Знай – ты не сломлен, ты не один.

Ты тоже жив.

Ты тоже живи.

Я не герой.

Не спасал людей, не побеждал кого-то, не вершил великих дел.

Я просто жил – как мог, как позволяли силы, обстоятельства и время.

Меня не хвалили за успехи. Меня критиковали за ошибки, порой те, которых я даже не совершал. Я рос в тени, учился молчать, быть удобным, незаметным. Я стал собой – тем, кто пишет эти строки – не из вдохновения, а из усталости. Из желания, чтобы хоть кто-то услышал.

Эта книга – не исповедь, не попытка вызвать сочувствие, не жалоба. Это – дорожный знак на пустой трассе, который кто-то когда-то поставил, чтобы другой, идущий вслед, не свернул в пропасть.

Мне двадцать пять. Я устал.

Но я пока ещё живой.

Если ты читаешь это и узнаешь себя – ты тоже всё ещё живой.

И, может быть, это единственное, что нам сейчас нужно – напоминание, что несмотря на всё, несмотря на сломанные части внутри, мы продолжаем дышать.

Иногда боль притупляется, иногда – обостряется. Иногда я боюсь собственных мыслей. А иногда просто смотрю в окно и думаю, как хорошо было бы быть деревом. Без мыслей. Без боли. Просто стоять и слушать ветер. Где-нибудь там, на далёком берегу реки или озера.

Я не знаю, что ждёт меня дальше.

Но пока я ещё могу писать – я буду.

Не для славы. Не для признания. А чтобы не забыть, что я был. И есть.

Глава 1. До того, как всё стало тяжёлым

*Я помню – траву выше колен,
И небо над домом простое.
Там ветер шептал обо мне,
Когда я молчал под звездою.
Я помню – отцовский хмельной
И мамыны стиснуты руки.
И я – между детской виной
И страхом случайной разлуки.
Я помню – как тихо внутри
Становится, если не дышишь.
Ты слушаешь, как из зари
Рождается день, где ты – лишний.
Но даже в те годы – один,
Я верил в тепло и в прощенье.
Я жил, хоть был ломким как дым.
Я рос. Я искал своё прозренье.
И если сейчас я устав —
Помню, что было ещё раньше.
Где в поле деревья и травы
Шептали: ты держишься...Продолжай.
Также и дальше.*

Я помню запахи деревни.

Травы под солнцем, утреннюю прохладу, влажную землю после дождя, где босые пятки оставляли временные следы. Там время шло не как в городе – оно текло так медленно, словно течение реки. Оно плелось вместе с ветром, вместе с журчанием ручейка за огородом, вместе с сонным уханьем совы, что обитала где-то у черёмухи. Я был тогда ещё ребёнком – живым, шумным, с фантазией, которая могла превратить любое старое ведро в космический корабль, а палку – в меч.

Мы жили не особо бедно либо же мне так казалось. Но тогда слово “бедно” мне ничего не говорило. У нас был сад, курицы, чердак, где пахло сушёной сеном, – и бабушка, которая иногда пела себе под нос песни, которых никто больше не знал. Она не была мне родной, но я часто бегал к ней в гости. Родных дедушки и бабушки я никогда не видел – они ушли за год до моего рождения. Иногда мне кажется, что я унаследовал его взгляд – усталый, думающий, будто заглянувший в мир чуть глубже, чем положено обычному человеку.

Отец...

Он приходил домой с запахом спиртного. Не каждый день, но достаточно часто, чтобы это стало привычкой. Я не знал тогда, что такое «зависимость», не понимал слов «созависимость» и «травма». Я просто знал – когда он в плохом на-

строении, лучше быть подальше. И быть тихим. И не мешать. Мама молчала. А мне казалось, что весь мир – это наша деревня, и все живут так же.

Спустя несколько лет у меня появилась сестра, а позже и брат. Отец закодировался и больше не пил.

Когда мне было семь, мы переехали в город. Там было много окон, много людей, много чужих лиц и никакой тишины. Вместо утреннего ветра – шум машин. Вместо запаха травы – запах пыли. По крайней мере, мы переехали в частный дом в тихом частном секторе. Но, к сожалению, я не знал, что именно в этом городе начну терять самого себя.

Но тогда, в деревне, я был жив. Я бегал. Смеялся. Разговаривал с кошками. Строил шалаши и мечтал. Уже тогда, в пыльной старой тетрадке, начал писать первые строчки – простые, неумелые, но свои. Уже тогда сердце шептало, что я хочу быть кем-то. Хоть кем-то.

Только я ещё не знал, сколько это «кем-то» будет мне стоить.

(Сейчас, через столько лет, я бы хотел снова там очутиться. Сесть у бревна, закрыть глаза и просто слушать. Без мыслей. Без ожиданий. Только тишина и я. Сейчас тот дом всё ещё есть и там даже есть сад. Отец иногда ездит туда, ведь там его пасека.)

Глава 2. Город без имени

*Я помню – асфальт под ногами,
И окна, в которых – тусклый свет,
Как будто забыт был чей-то силуэт.
Я помню – шаги по дороге,
Ведущие мимо, не к дому.
Где голос спрятал внутри,
Чтоб грубость не выдать в «прости».
Я помню – глядел на витрины,
И мир был как будто в витрине.
Где я – не герой, не гость,
А просто случайная упавшая кость.
И где-то внутри – всё сильнее,
Рос холод, как вечное «нет».
Но верил упрямо в мечту,
Хоть чаще смотрел в пустоту.*

Говорят, что деревня учит тишине, а город – выживанию. Когда мы переехали, я думал, что это – новая жизнь. Новый дом, новые горизонты, новые возможности.

Но оказалось, что в городе легко потеряться, даже когда знаешь, где живёшь.

Мне было семь. Я ещё помнил запах скошенной травы и гудение пчёл, но теперь всё пахло иначе – выхлопами, подь-

ездами, воздух казался тяжёлым. Вместо ночных звёзд были фонари, которые будто следили за каждым шагом.

Я не знал, как быть в этом новом мире. Слишком шумном, слишком чужом.

Я стал тише. Внутренне – медленнее. Я стал наблюдать.

Школа встретила меня, как приёмный ребёнок. Не жестоко, но настороженно.

Один раз я попытался рассказать, как мы в деревне строили шалаш из прутьев и мха. Меня не поняли. Смех, косые взгляды.

С тех пор я стал говорить меньше. Пытался вести дневник, писал туда всё больше.

Спустя какое-то время я начал складывать стихи. Маленькие, кривые, нелепые.

Они были единственным способом не исчезнуть во всей этой рутине.

Комментарий сквозь время:

Интересно, что никто из них не вспомнит даже моего имени. А я до сих пор помню, как один мальчик после урока литературы в классе вырвал у меня тетрадку и прочитал вслух:

«Ты думаешь, ты поэт? Это бред».

Я тогда не ответил. А сейчас, возможно, улыбнулся бы.

Но тогда – было больно. Очень.

Первой влюблённостью стала девочка с кучерявыми волосами, оказывается она жила недалеко от меня.

Я смотрел на неё как на картину, к которой не подойдёшь ближе.

Я писал о ней – в блокноте, на полях, в уме.

Однажды написал письмо. Не подписал. Она смеялась, читая его вслух с подружками и друзьями у своего дома.

После этого я замкнулся.

Не от мира – от ожиданий.

Стал бояться не боли, а того, что никто её даже не заметит.

Мир вокруг был словно стеклянный – я мог на него смотреть, но не мог в нём жить.

Я шёл в школу, я возвращался домой. Я ел, я спал. Но внутри – будто что-то стояло на паузе.

Город не стал домом. Он стал станцией. Промежуточной.

Я ждал – сам не зная чего.

Комментарий сквозь время:

Думаю, тогда я впервые начал взрослеть. Не тогда, когда мне исполнилось десять или ещё когда-то. А тогда, когда впервые почувствовал: внутри меня что-то ломается. И никто этого не видит.

Или видит – и всё равно идёт мимо.

Глава 3. Где заканчивается детство

Когда мы переехали в город, я был ещё ребёнком. Но город не любил детей, по крайней мере – таких, как я. Здесь было шумно, тесно, не пахло свежескошенной травой, и никто не смотрел на тебя с доброй улыбкой. Люди проходили мимо – как мимо мусорного пакета, лежащего не на своём месте. Я стал одним из них – прохожих без лица.

Первое время я молчал. Не потому, что не было слов, а потому что не было смысла их произносить. Всё, что могло бы стать началом дружбы, тут же разбивалось о насмешки. Я был «тот странный с акцентом», «тот деревенский».

Я тогда думал, что молчание защитит меня. Но теперь знаю – оно стало клеткой. Я сам её выстроил.

Школа была другим миром, где все играли в свои роли, а я не получил сценарий. Я учился быть незаметным. Порой казалось, что учителя даже не знали, как меня зовут. А дома... дома тоже было мало тепла. Родители уставали. Мама всё больше молчала, отец приходил поздно. Иногда со злобой, которую я старался не замечать.

Сначала я пытался писать. Не ради оценки – для себя. Это были записки в старой тетрадке. Иногда – стихи, иногда – просто мысли. В них я мог быть собой. Или тем, кем хотел бы стать. Писать – значило быть. Писать – значило кричать в пустоту, надеясь, что кто-то услышит. И даже сейчас глубоко

в душе, я надеюсь, что кто-нибудь меня поймёт и поддержит своим теплом.

Эти записи не сохранились. Но память о них – да. Я не всегда писал хорошо и даже сейчас так не считаю, но всегда – честно. И в этом есть ценность.

Я впервые влюбился – в девочку из своего класса. Она не знала об этом. А когда узнала – рассмеялась. Мне стало стыдно. Но не за чувства – за то, что позволил им быть. С тех пор я научился прятать не только слова, но и сердце.

Это было начало долгого молчания, которое, возможно, не закончится никогда.

*Я шёл по стеклу без звука,
Внутри – пустота и страх.
Снаружи – усмешка, разлука,
И мир на чужих весах.
Я прятал глаза и имя,
Как будто украли их.
Слова оставались мнимы,
А голос – совсем затих.
Но где-то на тетрадном поле
Я тихо писал про себя.
Пусть город ломал мне волю —
Я жил. Хоть и не любя.
Я верил: под слоем пыли
Останется свет внутри.
Хоть в детстве меня забыли —*

Говорил я себе: сам себя сбереги.

Глава 4. Окна, в которых я не отражался

Я помню, как улицы становились узкими, будто сжимая грудную клетку. Я шёл по ним, опустив взгляд, и слышал в голове собственные шаги громче, чем звуки машин и голосов. Школа была неподалёку, но я всегда чувствовал, будто иду туда сквозь сотни глаз, ни один из которых не смотрит по-настоящему. Они просто скользят, как ветер по витринам.

Окна. Их было много. На каждом этаже многоэтажек, в магазинах, автобусах, даже в чужих душах. Но нигде я не отражался. Ни одного намёка, что кто-то там – хоть раз – увидел меня по-настоящему.

В городском подъезде пахло железом и мокрым песком. В детстве я думал, что это запах взросления. Но теперь знаю – это просто запах одиночества, затхлого и постоянного.

(Комментарий сквозь время)

Мне казалось, что я учусь молчать красиво. Чтобы никто не заподозрил, как громко во мне бушуют чувства. Тогда я ещё не умел различать: где граница между терпением и тем, что ломает внутри. Я просто думал – так надо.

С одноклассниками я был рядом, но не вместе. Вроде бы смеялся, вроде бы отвечал на вопросы, вроде бы жил. Но всё

было «вроде бы». Настоящим оставались только те вечера, когда я возвращался домой, крошечная комната, лампа, и тетрадь, в которую можно было вылить всё, что копилось. Я начинал писать – не для славы, не для школы. Для того, чтобы понять, жив ли я вообще.

Иногда я задерживался у витрины с книгами. Смотрел сквозь стекло и воображал, что когда-нибудь моё имя будет среди других. А потом ловил себя на мысли, что даже если и будет – я всё равно не узнаю, что это кому-то нужно. Потому что уже тогда я чувствовал: я не здесь.

(Комментарий сквозь время)

Когда ты слишком часто чувствуешь себя лишним, начинаешь тихо уходить из собственного «я». Не потому, что хочешь исчезнуть, а потому что никто не замечает, если ты остаёшься.

Однажды я долго смотрел в окно чужого дома. Там горел свет, кто-то двигался, смеялся, разговаривал. Мне казалось, что у них внутри тепло. Что их окна – это не просто стекло, а порталы в другое измерение, где тебя ждут. Я завидовал. И ненавидел себя за эту зависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.